

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА — ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА

П. А. Комлев

Использование понятия потенциала в социальном знании в методологическом плане оказалось перспективным. Ежегодные доклады ПРООН (Программы развития Организации Объединенных наций) о развитии человека на основе сопоставления различных показателей, характеризующих «человеческий потенциал» конкретных стран, позволяют сделать выводы об уровне их развития, о стоящих перед ними социально-экономических проблемах, о месте, занимаемой каждой из них в общей шкале развития. Но использование понятия потенциала в социальной области можно этим не ограничивать, а расширить и конкретизировать. Сложившаяся в стране проблемная ситуация, связанная с определением стратегии ее выхода из затянувшегося кризиса, показывает, что в числе факторов развития интеллектуальный потенциал страны занимает далеко не последнее место. Отсюда вытекает возросшая потребность обращения к нему и необходимость анализа его состояния и определения достойных путей его реализации. В статье анализируются проблемы определения интеллектуального потенциала, оценки его уровня, измерения социальной результативности науки.

Ключевые слова: человеческий капитал, интеллектуальный потенциал, образование, наука, показатели.

Система образования и научно-техническая сфера в России по-прежнему остаются важнейшим инструментом повышения уровня жизни общества и интенсификации производства. За период рыночных реформ, несмотря на сложное финансовое положение и наличие целого ряда проблем, отечественные научные организации сумели сохранить мировые лидирующие позиции в ряде отраслей. Но при этом наметилось общее снижение уровня научно-технического прогресса, обозначился процесс сокращения самой интеллектуальной сферы. Необходимо выявить причины этого явления и определить специфику формирования и функционирования отечественного интеллектуального потенциала. В связи с этим, представляется целесообразным проанализировать этот процесс на примере Советского Союза эпохи «застоя», когда обозначились диспропорции между количественными и качественными показателями интеллектуального потенциала и стали очевидными трудности определения его уровня.

В условиях современной России, эволюции её переходной экономики, когда качественные изменения затруднены наличием ряда неблагоприятных внешних и внутренних факторов, проблема формирования и использования интеллектуального потенциала становится особенно актуальной. Условия формирования рыночного хозяйства и демократизация общественной жизни требуют нового качества интеллектуальных ресурсов, появление которого представляется возможным только при условии выработки стратегии развития потенциала страны на ближайшие десятилетия и ее последующей реализации с привлечением государственных и общественных институтов.

В историографии проблемы выделяется подход, при котором исследователи связывают между собой социально-экономическую модернизацию и качество человеческого капитала [3]. В связи с этим, становится актуальной необходимость проведения

комплексного анализа, выявляющего роль, значение, структуру, условия и особенности формирования и функционирования человеческого капитала, особенно его интеллектуальной составляющей, в Советском Союзе в период социально-экономической стагнации (1975—1985 гг.).

Человеческий капитал в историографии рассматривается, прежде всего, как экономическая категория. В современной отечественной историографии представлена система оценок на роль и место его в общественной структуре, исследуются факторы и особенности его формирования и использования на различных уровнях экономического развития [6]. В результате можно выделить две трактовки понятия, обозначающего человеческий капитал. Первая определяет его социальную значимость, характеризует общий уровень воспроизводства производительных сил человека в постиндустриальном обществе [4]. Второй подход акцентирует внимание на конкретных знаниях и навыках отдельного индивидуума для последующей реализации их в процессе экономической деятельности [5].

Таким образом, само понятие «человеческий капитал» не раскрывает процесс формирования интеллектуальных ресурсов общества, является, на наш взгляд, слишком узким для определения этого процесса и выявления его специфики в рамках конкретной страны или региона. Поэтому более корректным для исследования обозначенной проблемы будет использование термина «интеллектуальный потенциал».

Необходимо, прежде всего, определиться с содержанием самого понятия «интеллектуальный потенциал». Так как единой трактовки данного явления в историографии не существует, первоначально нужно дать определение термину «потенциал».

«Потенциал (от лат. *Potentia* — сила) — совокупность возможностей, источников, средств, запасов и т. п., которые могут быть приведены в действие, использованы для решения определенных

задач, достижения поставленных целей; возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области; военный, экономический потенциал» [8, с. 317]. Приняв это за основу, можно сформулировать следующее определение понятия «интеллектуальный потенциал».

Интеллектуальный потенциал — это совокупность возможностей отдельных лиц, общества, государства в области использования человеческих ресурсов, которые могут быть приведены в действие и использованы для решения определенных задач и достижения поставленных целей. Ключевыми в этом определении являются словосочетания: «человеческие ресурсы» и «совокупность возможностей» их использования. Таким образом, интеллектуальный потенциал характеризует некоторое совокупное свойство людских ресурсов той или иной страны, зависящее от их количественных и качественных характеристик [7, с. 12].

Человеческий потенциал России, ее интеллектуальные ресурсы являются наиболее ценными производительными ресурсами по сравнению с сильно изношенным основным капиталом. О том, что именно интеллектуальный потенциал является главным фактором социально-экономического развития страны, свидетельствуют многочисленные примеры из мировой истории. Так, благодаря сохраненному интеллектуальному потенциалу Германия и Япония после Второй Мировой войны смогли быстро достичь экономического процветания.

Теория человеческого капитала создает основу для выработки наиболее эффективной политики в области образования, использования накопленных знаний и опыта, овладения передовыми технологиями и повышения общей культуры научного и инженерного труда [5, с. 48].

Вложения в человеческий капитал, по существующим оценкам, гораздо эффективнее, чем инвестиции в основные фонды. Так, в США на протяжении послевоенного периода нормы отдачи высшего образования располагались в интервале 8—12%, тогда как средняя норма прибыли реального капитала составляла около 4% [6, с. 3].

Долгосрочный эффект образовательных программ, включающих подготовку и переобучение кадров, и их воздействие на темпы экономического роста проявляется в различных формах. Статистические данные свидетельствуют, что вклад образования в прирост ВВП может достигать 33%. Практическое применение теории человеческого капитала доказывает, что финансирование образования через займы (а не прямые затраты) является наиболее эффективным, поскольку обеспечивает целевое расходование средств, рациональное их использование и жесткий контроль за отдачей на вложенные ресурсы.

Образование и переобучение являются ключевыми в решении проблемы экономического неравенства. Уровень безработицы среди высокообразованных работников в условиях рыночной экономики намного ниже, чем среди малообразованных.

По темпам роста образования Россия всегда занимала одно из лидирующих мест в мире. В переходный период, когда разрушались традиционные

схемы финансирования и обострились противоречия на рынке рабочей силы, старые подходы к формированию человеческих ресурсов оказываются неприемлемыми. Из теории человеческого капитала следует, что при длительном недоиспользовании человеческого капитала его деградация начинает происходить нарастающими темпами [6, с. 3].

В странах командной экономикой отношение к вложениям в человека всегда было двойственным. В теоретическом плане признание большого экономического значения квалифицированного (или «сложного», по терминологии Маркса) труда сочеталось с отнесением образования, здравоохранения и других отраслей услуг к непроизводственной сфере.

Согласно марксистской теории, роль труда в создании стоимости признается только в условиях капиталистического товарного производства [12, с. 26]. Апологеты советской системы считали, что экономика преследует высшую цель — «полное и всестороннее развитие личности», в соответствии с которой образование выступало как самоцель и не подлежало экономической оценке [2, с. 78].

Развитие образования, как и других сфер общества, подчинялось потребностям военно-промышленного комплекса и идеологии, составлявших основу существования идеократической сверхдержавы. Это вызвало перенасыщение экономики инженерами и работниками «идеологического фронта» в ущерб «рыночным» специальностям. Непродуманное планирование сферы образования привело к заполнению инженерами мест, которые в странах с рыночной экономикой обычно занимают профессиональные менеджеры, экономисты, администраторы. Вузовский диплом обесценивался, так как доходы инженера или университетского преподавателя были ниже, чем у рабочего.

Двойственный подход означал и то, что в практическом плане массированное вложение средств в образование и подготовку кадров, диктовавшееся идеологическими и военно-стратегическими соображениями («кадры решают все»), совмещалось с так называемым «остаточным принципом» финансирования [6, с. 10].

Одно из следствий двойственного отношения к вложениям в сферу образования заключалось в том, что значительная часть средств на эти цели направлялась по линии не образовательных, а отраслевых министерств. Каждое отраслевое министерство считало своим долгом иметь несколько «своих» вузов или хотя бы факультетов (не говоря уже о техникумах и институтах повышения квалификации), призванных «закрывать» бреши, порождаемые остаточным финансированием на уровне государства. Это порождало дублирование и нескоординированность действий, чрезмерную специализацию высшего образования [9, с. 274—275].

Другим проявлением этой двойственности стало стремление регионов к открытию «собственных» университетов, что служило средством в борьбе за повышение ими своего статуса и вело к размножению провинциальных вузов с низкими академическими стандартами [10, с. 168].

Социальные трансформации являются важнейшим атрибутом исторического процесса. По опреде-

лению В. В. Кулешова, они имманентны развитию самого общества. Однако сказанное не означает полного тождества этих понятий [13, с. 253]. Под трансформацией, как правило, понимают такое развитие, которое не ограничивается приростом каких-либо параметров, но приводит к модификации самих параметров, к новым способам организации общества, его институтов и базовых отношений.

Отдельной проблемой является оценка реального вклада науки в экономический и социальный прогресс. Зачастую она сводится к анализу статистики научных кадров и динамики расходов на науку. Это важные показатели. Но они характеризуют общественные затраты на науку, а не ее результативность. И их абсолютизация может привести к неадекватному пониманию происходящих процессов. Хороший пример тому — Советский Союз в период стагнации (1975—1985 гг.). Тогда упор делался на количественные показатели. Утверждалось, что четверть всех научных сотрудников мира составляют советские ученые и их число растет опережающими темпами. Одновременно с каждой пятилеткой увеличивался удельный вес затрат на науку в национальном доходе (ВВП) страны. По данному показателю СССР вышел на второе место в мире. В то же время наблюдалось явное снижение эффективности используемых ресурсов, заметное падение темпов научно-технического прогресса и как следствие — «застой» в экономическом развитии.

Таким образом, необходимы иные измерители социальной результативности науки. Они должны учитывать уровень исследований, новизну технических решений, масштабы технологических сдвигов, воздействие нововведения на динамику производительности труда. Однако это преимущественно качественные характеристики. Их невозможно точно выразить в действующих статистических показателях, хотя такие оценки существуют. Они показывают, что во второй половине XX века стремительный рост общественных затрат на науку обернулся резким повышением ее вклада в экономическое развитие. По некоторым данным она стала обеспечивать до двух третей прироста ВВП.

Однако, ключевым критерием оценки качества интеллектуального потенциала является их социальная отдача. В этом заключается основная трудность определения уровня интеллектуального потенциала в Советском Союзе, особенно в период стагнации. Благодаря крупным технологическим открытиям произошло качественное изменение экономической жизни. И в основе произошедших качественных изменений были новые научные знания.

Эти знания обладают одним важным качеством: овециствленные в каких-то носителях, они поступа-

ют в совокупный информационный фонд мирового сообщества. Откуда их могут брать для своих нужд любые субъекты социальной деятельности. Следовательно, научное знание обладает самостоятельным социальным существованием. И в этом качестве оно в принципе не является исключительным достоянием каких-либо стран и регионов. Отсюда можно сделать вывод, что если научное знание не имеет границ, тогда отставшие в своем развитии сообщества могут, по крайней мере, потенциально, использовать мировой интеллектуальный потенциал в интересах ускорения своего экономического роста.

Литература и источники

1. Андропов, Ю. В. *Избр. речи и статьи*. — 2-е изд. / Ю. В. Андропов. — М.: Политиздат, 1983. — 320 с.
2. Безбородов, А. Б. *Власть и научно-техническая политика в СССР середины 50-х — середины 70-х гг.* / А. Б. Безбородов. — М.: Изд-во объединения «Мосгорархив», 1997. — 214 с.
3. Галаева, Е. В. *Исследование человеческого капитала в зарубежной литературе (Реферат книги Орда Нордхога «Человеческий капитал в организациях»)* / Е. В. Галаева // *Общество и экономика*. — 1997. — № 7—8. — С. 244—258.
4. Добрынин, А. И. *Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования* / А. И. Добрынин, С. А. Дятлов, Е. Д. Цыренова. — СПб.: Наука, 1999. — 309 с.
5. Дятлов, С. А. *Основы теории человеческого капитала* / С. А. Дятлов. — СПб.: СПбГУЭФ, 1994. — 160 с.
6. Капелюшников, Р. И. *Человеческий капитал России: проблемы реабилитации* / Р. И. Капелюшников, И. М. Выбегова, Т. Г. Леонова, и др. // *Общество и экономика*. — 1993. — № 9—10. — С. 3—14.
7. Колин, К. К. *Человеческий потенциал и инновационная экономика* / К. К. Колин // *Вестник Российской Академии естественных наук*. — 2003. — № 4. — С. 10—16.
8. *Краткий словарь современных понятий и терминов*. 2-е изд. — М.: Республика, 1995. — 510 с.
9. Кулешов, В. В. *Социально-экономическое положение России: настоящее и будущее* / В. В. Кулешов // *Социальные трансформации в российской истории*. — Екатеринбург; М.: Изд-во Академкнига, 2004. — 607 с.
10. *Путь в XXI в. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики*. — М.: Экономика, 1999. — 792 с.
11. *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1968—1969 гг.)*. — Т. 7. — М.: Политиздат, 1970. — 538 с.
12. *Рубежи созидания. К 70-летию академической науки на Урале. Документы и материалы. 1932—2002 гг.* — Екатеринбург: УрО РАН, 2002. — 389 с.
13. Шульгина, И. В. *Оценка влияния науки на экономический рост: новые подходы* / И. В. Шульгина // *Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки*. — М.: Логос, 2005. — 303 с.

КОМЛЕВ Павел Андреевич, окончил Челябинский государственный университет (2002). Магистр истории, преподаватель кафедры «История», Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). Сфера научных интересов: интеллектуальная история, история Урала XX века, история Древнего Рима, история кинематографа. E-mail: beverlyman@mail.ru

Поступила в редакцию 16 августа 2014 г.

SOCIAL POLICY AS A BASIS OF INTELLECTUAL POTENTIAL

P. A. Komlev, South Ural State University, Cheliabinsk, Russian Federation,
beverlyman@mail.ru

Using the concept of potential in social knowledge in methodology turned promising. Annual reports of the UNDP (United Nations Development Programme United Nations) about human development based on the comparison of different indicators describing «human potential» of individual countries, allow to make conclusions about the level of their development, their social and economic problems and their place in the overall scale of development. However, we can expand and elaborate the concept of potential in the social sector. Problem situation related with the release country out of crisis, shows that among the factors of the intellectual potential of the country is not the last place. So there is a need to access it and the need to analyze its condition and worthy ways of its implementation. The article analyzes the problem of determining intellectual potential assessment of its level, social performance measurement science.

Keywords: human capital, intellectual potential, education, science and performance.

References

1. Galaeva E.V. Issledovanie chelovecheskogo kapitala v zarubezhnoj literature [The study of human capital in the foreign literature] Referat knigi Orda Nordhoga «Chelovecheskij kapital v organizacijah» [Abstract book Horde Nordhoga “Human capital in organizations”] *Obshhestvo i jekonomika* [Society and Economy]. 1997, 7—8, pp. 244—258.
2. Kapeljushnikov R.I., Vybegova I.M., Leonova T.G. Chelovecheskij kapital Rossii: problemy rehabilitacii [Human capital in Russia: problems of rehabilitation] *Obshhestvo i jekonomika* [Society and Economy]. 1993, 9—10, pp. 3—14.
3. Dobrynin A.I., Djatlov S.A., Cyrenova E.D. Chelovecheskij kapital v tranzitivnoj ekonomike: formirovanie, ocenka, jeffektivnost' ispol'zovaniya [Human capital in transitive economy: formation, evaluation, efficiency]. St. Petersburg: Nauka, 1999, 309 p.
4. Djatlov S.A. Osnovy teorii chelovecheskogo kapitala [Fundamentals of the theory of human capital]. St. Petersburg: SPbGUJeF, 1994, 160 p.
5. Kratkij slovar' sovremennyh konceptov i terminov. 2-e izd. [Concise Dictionary of modern concepts and terms. 2nd ed.]. Moscow: Respublika, 1995, 510 p.
6. Kolin K.K. Chelovecheskij potencial i innovacionnaja ekonomika [Human potential and innovative economy] *Vestnik Rossijskoj Akademii iestestvennyh nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences]. 2003, 4, pp. 10—16.
7. Reshenija partii i pravitel'stva po hozjajstvennym voprosam (1968 — 1969 gg.). T. 7. [Action Party and the government on economic issues (1968 - 1969.) T. 7.]. Moscow: Politizdat, 1970, 538 p.
8. Andropov, Ju.V. Izbr. rechi i stat'i. 2-e izd. [Fav. speeches and articles. 2nd ed.]. Moscow: Politizdat, 1983, 320 p.
9. Rubezhi sozidaniya. K 70-letiju akademicheskoi nauki na Urale. Dokumenty i materialy. 1932 — 2002 gg. [Milestones creation. On the 70th anniversary of academic science in the Urals. Documents and materials. 1932 - 2002 years]. Ekaterinburg: UrO RAN, 2002, 389 p.
10. Bezborodov A.B. Vlast' i nauchno-tehnicheskaja politika v SSSR seređiny 50-h — seređiny 70-h gg. [Power and science and technology policy in the USSR mid 50s - mid 70s.]. Moscow: Izd-voob-nija “Mosgorarhiv”, 1997, 214 p.
11. Kuleshov V.V. Social'no-jekonomicheskoe polozhenie Rossii: nastojashhee i budushhee [Socio-economic situation in Russia: Present and Future] *Social'nye transformacii i v rossijskoj istorii* [Social Transformation in Russian history]. Ekaterinburg, Moscow: Izd-vo Akademkniga, 2004, 607 p.
12. Put' v XXI v. Strategicheskie problemy i perspektivy rossijskoj ekonomiki [The path in the XXI century. Strategic challenges and prospects of the Russian economy]. Moscow: Jekonomika, 1999, 792 p.
13. Shul'gina I.V. Ocenka vlijaniya nauki na jekonomicheskij rost: novye podhody [Assessing the impact of science on economic growth: new approaches] *Naukovedenie i novye tendencii v razvitii rossijskoj nauki* [Naukovedenie and new trends in the development of Russian science]. Moscow: Logos, 2005, 303p.

Received August 16, 2014